

№ 4 (30)
апрель
2011г

газета Волжского благочиния, по благословению митрополита Волгоградского и Камышинского Германа.

Дорогие братья и сестры! Христос Воскресе!

Сердечно поздравляю всех вас со Светлым Христовым Воскресением. Величайший из праздников празднуем мы сегодня. По словам святителя Григория Богослова «Пасха Господня праздников праздник и торжество из торжеств; Пасха столько превосходит все торжества, сколько солнце превосходит звезды».

Почти 2000 лет назад совершилось это знаменательное событие. Господь ради спасения человека пришел на землю, понес на своих раменах все тяготы земного бытия, принял крестную смерть, и своим все славным Воскресением освободил человечество из плена греховного, открыл путь покаяния и духовного возрождения – путь к Вечной жизни. Возблагодарим же Господа за Его милость и человеколюбие. Будем по завету апостольскому «ходить в обновленной жизни». Отринем вражду и распри, греховные привычки и душевную расслабленность. Каждым днём и часом нашей жизни исполним заповедь Христову: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф.5,16).

Среди нас множество людей, нуждающихся в помощи и заботе. Это все, кто страдает от болезней, бедности, одиночества, сиротства. Принесем каждому из них как пасхальный дар нашу деятельную любовь, наши лепты и труды милосердия.

В эти Светлые дни молитвенно желаю всем вам, чтобы радость о воскресшем Господе не прошла мимо ваших душ, домов и семей. Чтобы в каждое сердце Господь послал Царство Божие, новую жизнь и Воскресение. И чтобы эта радость освящала вас, не только в эти Пасхальные дни, а во весь ваш жизненный путь.

Воистину Воскресе Христос!

Благочинный Волжского округа протоиерей Пётр Симора
Пасха Христова 2011 года

Победа оружия и веры.

Нательный крест на одной цепочке с жетоном «смертника», спрятанная в нагрудный карман гимнастерки иконочка Божией Матери, переписанный дрожащей рукой девяностый псалом «Живый в помощи Вышняго», который солдаты называли «живые помощи», – полуистлевшие свидетельства веры поисковики находят на полях сражений вместе с партбилетами и комсомольскими значками. А сколько рассказов «как Бог спас» передавались из уст в уста. Как, уходя в разведку, шептали: «С Богом!», как молились втайне перед началом наступления и крестились уже в открытую, поднимаясь в атаку, и как пронзало радиоэфир предсмертное: «Господи, помилуй!». Хорошо известен афоризм: «На войне атеистов не бывает». А вот о том, как жила Церковь во время войны, известно не много.

Батюшки на передовой

Сегодня мало кто знает о священниках, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны. Никто точно не скажет, сколько их было, шедших в бой без рьсы и крестов, в солдатской шинели, с винтовкой в руке и молитвой на устах. Статистики никто не вел. Но батюшки не просто сражались, защищая свою веру и Отечество, а еще и получали награды – почти сорок священнослужителей были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За оборону Москвы», более пятидесяти – «За доблестный труд во время войны», несколько десятков – медалью «Партизану Великой Отечественной войны». А скольких еще награды обходили стороной? Архимандрит Леонид (Лобачев) в начале войны добровольцем вступил в ряды Красной Армии и стал гвардии старшиной. Дошел до Праги, был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией». После демобилизации снова вернулся к служению в священном сане и был назначен первым руководителем Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Многие священнослужители уходили на фронт, отбыв срок в лагерях и ссылках. Вернувшись из заключения, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извеков) дослужился на войне до звания майора. Многие, избежав смерти на фронте, становились священниками после победы. Так, будущий наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов), прошедший от Москвы до Берлина и награжденный орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», вспоминал: «Война была настолько страшной, что я дал слово Богу, что если в этой страшной битве выживу, то обязательно уйду в монастырь». Посвятить свою жизнь Богу решил и кавалер орденов Славы трех степеней Борис Крамаренко, после войны став диаконом в храме под Киевом. А бывший пулеметчик Коноплев, награжденный медалью «За боевые заслуги», стал впоследствии митрополитом Калининским и Кашинским Алексием.

Не свастика, а крест

На первую военную Пасху впервые за годы советской власти вновь было разрешено провести крестный ход во всех крупных городах страны. «Не свастика, а Крест призван возглавить нашу христианскую культуру, наше христианское жительство», – писал митрополит Сергей в пасхальном послании того года.

Совершил крестный ход вокруг города и Ленинградский митрополит, будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский). Он не покинул блокадный город, хотя голод не щадил духовенство – не пережили зиму 1941–1942 года восемь клириков Владимирского собора. Во время богослужения скончался регент Никольского собора, умер келейник митрополита Алексия инок Евлогий. В дни блокады в ряде храмов были устроены бомбоубежища, в Александро-

Невской Лавре разместился госпиталь. Но главное – в вымирающем от голода городе ежедневно совершалась Божественная литургия. В храмах молились о даровании победы нашему воинству. Служился особый молебен «в нашествие супостатов, певаемый в Отечественную войну 1812 года». На богослужениях иногда присутствовало командование Ленинградского фронта во главе с маршалом Леонидом Говоровым.

Неслучайные даты

– 22 июня 1941 года Русская Православная Церковь отмечала день всех святых, в земле Российской просиявших;

– 6 декабря 1941 года в день памяти Александра Невского наши войска начали успешное контрнаступление и отбросили немцев от Москвы;

– 12 июля 1943 года в день апостолов Петра и Павла начались бои под Прохоровкой на Курской дуге;

– на празднование Казанской иконы Божией Матери 4 ноября 1943 года советскими войсками был взят Киев;

– Пасха 1945 года совпала с днем памяти великомученика Георгия Победоносца, отмечаемым Церковью 6 мая. 9 мая – на Светлой седмице – к возгласам «Христос воскрес!» добавился долгожданный «С днем победы!»;

– Парад Победы на Красной площади был назначен на 24 июня – День Святой Троицы.

Ольга Новикова

ПАСХА 1945 В ДАХАУ

Воспоминания бывшего узника «R 64923», Глеба Александровича Рапа (2006). Настоящий рассказ был написан в 1998 г. на английском языке. Ниже приводится перевод в сокращении, сделанный в 2006 году после кончины автора.

29 апреля: Около 6 ч. вечера, слышится непонятный шум, исходящий откуда-то вблизи лагерных ворот, и который очень быстро усиливается... И, наконец, голоса 32.600 узников сливаются в своем ликовании при виде первых американских солдат, появившихся прямо за колючей проволокой лагеря. Когда они с широко раскрытыми глазами смотрят на нашу изголодавшуюся толпу, страдающую от тифа и дизентерии, они скорее походят на пятнадцатилетних подростков, чем на испытанных в бою военных.

Конечно, я все это время отдавал себе отчет в том, что эти многозначительные события происходили во время Страстной седмицы. Но как мы отметим ее, помимо нашей тихой, частной молитвы? Один соузник и главный переводчик Международного комитета заключенных, Борис Ф., навестил меня в «блоке 27» — моем бараке для зараженных тифом, чтобы уведомить меня о предпринимаемых попытках организовать совместно с Греческим и Югославским комитетами заключенных православное Богослужение в день Святой Пасхи 6 мая. Среди заключенных находились православные священники, диаконы и монахи со Святой Горы Афон. Но не было ни облачений, ни каких-либо книг, икон, свечей, просфор, вина... Несмотря на это, удалось решить некоторые из этих проблем: приблизительно 400 католическим священникам, заключенным в Дахау, было разрешено остаться вместе в одном бараке и служить мессу каждое утро перед уходом на работу. Они нам, православным, предложили воспользоваться их молитвенной комнатой в «блоке 26», который был как раз напротив, через улицу от моего собственного блока. Кроме деревянного стола и списка иконы Ченстоховской Божией Матери, висевшей на стене над столом, часовенка была совершенно пустой. Нашелся и весьма изобретательный выход из положения в связи с

облачениями. Были взяты холстинные полотенца из больницы наших бывших SS-совских надзирателей. Когда два полотенца сшивали вместе по длине, они образовывали собой епитрахиль, а когда их сшивали вместе по концам, получался орарь. Красные кресты, первоначально предназначенные для ношения медицинским персоналом SS-совской охраны, были прикреплены к полотняным облачениям.

За всю историю Православной Церкви, вероятно, не было такого пасхального Богослужения, как в Дахау в 1945 году. Греческие и сербские священники и сербский диакон облачились в самодельные «ризы», которые они надели на серо-голубые полосатые одежды заключенных. Затем они начали песнопения, переходя с греческого на церковно-славянский, а затем снова на греческий. Пасхальный канон, пасхальные стихиры — все пелось

наизусть. Евангелие — «В начале было Слово» — также по памяти. И, наконец, Слово св. Иоанна Златоуста — тоже по памяти. Молодой греческий монах-святогорец встал перед нами и произнес его с таким проникновенным энтузиазмом, что мы его никогда не забудем до конца нашей жизни. Казалось, что сам Иоанн Златоуст говорил через него к нам и также ко всему остальному миру! Восемнадцать православных священников и один диакон, в большинстве — сербы, участвовали в этой незабываемой службе. Подобно расслабленному, которого через отверстие в крыше опустили перед ногами Христа Спасителя, греческий архимандрит Мелетий был принесен в часовню на носилках, где он пробыл лежащим во время всего Богослужения. Священнослужители, участвовавшие в пасхальном Богослужении в Дахау в 1945 году, теперь поминаются за каждой Божественной литургией в русской Часовне-памятнике в Дахау вместе со

всеми православными христианами «на месте сем и в иных местах мучения умученных и убиенных». Свято-Воскресенская часовня в Дахау, которая была построена отрядом Западной группы войск Российской Армии незадолго до ее вывода из Германии в августе 1994 года, являет собой точную реплику северно-русской шатровой церкви или часовни. За престолом часовни находится большая икона, на которой изображены ангелы, отворяющие врата концентрационного лагеря Дахау и Сам Христос, выводящий пленных на свободу.

Сегодня я хотел бы воспользоваться случаем и попросить вас, православных христиан во всем мире, сообщить нам имена иных православных братьев и сестер, заключенных и погибших здесь, в Дахау, или в прочих нацистских концентрационных лагерях для того, чтобы мы смогли включить их в наши молитвы. А если вы сами когда-нибудь попадете в Германию, не премините посетить нашу русскую часовню на территории бывшего концлагеря Дахау и помолитесь за всех замученных «на месте сем и на иных местах мучения». ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! ХРИСТОУ АΝΕΥΘΗ! CHRIST HAS RISEN!

«Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обьемем. Рцем: братие! и ненавидящим нас, простим вся Воскресением, и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых, смертью смертью поправ, и сущим во гробех живот даровав!» (Стихира Пасхи).

Глеб Александрович Рап — известный церковный и общественный деятель старой русской эмиграции. Долгие годы Г.А. Рап состоял в Епархиальном Совете Германской епархии РПЦЗ, в приходских советах во Франкфурте и Мюнхене, был одним из важнейших деятелей «Православного Дела», служащего распространению веры в СССР, являлся одним из основателей всемирно известного швейцарского института «Вера во Втором Мире» (Glaube in der 2. Welt).

За его обширную деятельность Г.А. Рап был удостоен ряда почётных и благодарственных грамот Русской Церкви на родине и за рубежом, в частности, в 2004 г. от Святейшего Патриарха Алексия II.

Скончался Г.А. Рап 3 марта 2006 года под Мюнхеном на 84-м году жизни.

Источник: Патриархия.ru

На другом берегу

Телефон зазвонил неожиданно. Отец Савватий поморщился и с трудом поднялся с кресла. Он очень устал за прошедшую неделю: подходил к концу Великий пост, с его долгими службами, длинными очередями на исповедь. Несмотря на довольно молодой возраст (отцу Савватию было сорок пять), в его чёрных волосах всё заметнее сверкали белые прядки. На вопросы о ранней седине он обычно шутил, что у священников год службы можно считать за два.

Рукоположён отец Савватий был совсем молодым – в двадцать один год: сначала целибатом, потом, по благословию старца, принял постриг и стал иеромонахом. А затем игуменом, строителем и духовником монастыря. И теперь, когда за плечами было почти двадцать пять лет священнической хиротонии, ему казалось, что прошла целая жизнь. Когда начинал служить, гулким эхом отдавались возгласы в пустом, отдалённом от областного центра храме. А сейчас вот на службе, как говорится, яблоку негде упасть – так плотно стоит народ.

Этим утром, правда, прихожан на службе было меньше, чем обычно: лёд на реке Чусовой стал слишком тонок. Чусовая отделяла старинную церковь Всех Святых от небольшого уральского посёлка, и теперь, пока не пройдёт лёд по реке, никто из посёлка не сможет добраться до храма.

Батюшка взял трубку. Поднёс к уху, а потом немного отодвинул, оглушённый знакомым женским рыданием.

– Нюра помирает! Помирает, вот совсем прям помирает! Ой, батюшка, да помоги же! Дак как же она помрёт-то без исповеди да без причастия!

– Клавдия, так ведь ты сама знаешь, что сестра твоя старшая и в храм не хаживала, и к таинствам не приступала. Чего же теперь-то?

– Так согласилась же, батюшка, согласилась! Я и сама не ожидала! А сейчас лежит хрипит! «Скорая» приехала, вколола ей что-то, для поддержания сердечной деятельности. Сказала, что к вечеру всё равно помрёт, сердечко-то останавливается уже. Износилось сердечко у моей Нюрочки!

И Клавдия опять зарыдала.

Батюшка тяжело вздохнул и сказал твёрдо:

– Клавдия, успокойся! Иди к сестре! Садись рядом, молись! Сейчас я приду.

– Батюшка, дак как же ты придёшь?! Нету дороги уже, нету! Отец Савватий положил трубку и нахмурился. Да, вот так же и ему сказал кардиолог из областного центра: «Дескать, сердечко у вас, батюшка, сильно износилось, как у шестидесятилетнего старика, а вам ещё только сорок. Так вы долго не протянете!»

Отец Савватий зашёл в храм за Дарами, взял всё необходимое для исповеди и причастия и быстро, чтобы никто не успел окликнуть, спустился вниз с горы. Пока шёл к реке, думал о сёстрах – Клавдии и Нюре. Клавдии было за пятьдесят, а Нюре, наверное, под семьдесят. Когда-то была тогда Нюра девушкой на выданье, но после трагической гибели родителей под колёсами грузовика пьяного совхозного шофёра замуж она так и не вышла. Заменяла родителей сестрёнке и братишкам. В детдом не отдала, вырастила, воспитала, на ноги поставила. Задумавшись, батюшка и не заметил, как вышел к Чусовой. Река в этом месте была широкой – метров четыреста, не меньше. Дорога из брёвен, которую в этих краях называли лежнёвкой, была почти залита водой. Отец Савватий оглянулся назад, посмотрел на свой храм,

перекрестился и ступил на лежнёвку. Пошёл сначала медленно, стараясь не упасть, а потом ускорил шаг. На середине дороги он шёл уже почти по колено в воде и вслух громко молился, но почти не слышал звуков своего голоса, заглушаемого шумом воды, скрипом брёвен и каким-то далёким потрескиванием.

Избушка Клавдии была крайней, почти у берега. Когда батюшка вошёл в дом, сидящая у изголовья сестры Клавдия плакала. А лежавшая на постели пожилая женщина была бледной и неподвижной. Умерла? Не успел! А может, ещё жива? Отец Савватий раскрыл Требник и, встав на колени, стал читать почему-то канон о болящем. Когда он закончил и воцарилась тишина, батюшка смутился и поник: вот, канон за болящего читал, а тут надо было на исход души, наверное... Господи, прости такую дерзость!

– Батюшка... Это вы ко мне пришли?

– К вам, Анна. Может быть, вы захотите исповедаться и причаститься...

– Хочу. Хочу, батюшка, исповедаться. А причаститься, наверное, недостойная я... И ещё я хочу, чтобы Клава осталась. Потому что мне нужно её прощение...

– Когда родители наши погибли, я старшая осталась в семье, любила очень одного паренька.

Сергеем звали его. Да... И он меня любил... А как осталась я с вами, малышами, он ещё ходил ко мне пару месяцев, а потом сказал мне... Дескать, я тебя люблю так сильно, жениться хотел бы, но только детишек, вас то есть, Клава с малыши, надо в детдом отдать. Не потянем, дескать, мы с тобой, Нюлочка, детишек. А мы с тобой своих нарожаем. Понимаешь? Своих собственных! Вот встанем на ноги, выучимся и нарожаем! А я ему говорю: «Так ведь и эти-то мои». Он и ушёл. А я очень плакала тогда. Сильно плакала я, Клава! А потом роптала я очень! И на Бога роптала...А ещё по ночам были у меня мысли. Про Сергея. Про кудри его чёрные. Про то, что, может, и правда сдать детишек в детский дом... Очень я любила его. И хотелось мне замуж-то выйти... А они, детишки, и не знали про мысли мои чёрные... Отпусти ты мне этот грех, батюшка! Господи, помилуй меня, грешную! Клава, прости меня...

И ещё много грехов у меня. Воровка я, батюшка. Воровка. Я с фермы малым молоко воровала. И потом ещё картошку совхозную. А она вон, Клава-то, всё в церковь меня звала... А я всё думала, куда мне с грехами моими... Пусть уж хоть Клава ходит...И ещё долго сидел батюшка в этом маленьком уютном домике, исповедал, потом причастил Нюру. Когда уходил, она, обессиленная, закрыла глаза и лицо её покрыла восковая смертельная бледность. В коридоре пошептались с Клавой про заочное отпевание – чтоб позвонила, значит, когда отойдёт Анна.

Обратная дорога в памяти почти не задержалась, как-то быстро вернулся отец Савватий всё по той же лежнёвке. Он не сразу обратил внимание на собравшуюся на горе кучку своих прихожан. Они показывали руками туда, откуда он только что пришёл. Над Чусовой нёсся сильный треск, он всё нарастал, а потом вдруг прогремел мощно, как взрыв. На реке всё расколосось, задвигалось, льдины полезли друг на друга, а затем хлынула тёмная вода, разметав брёвна лежнёвки в разные стороны. «Ледоход», – как-то отстранённо подумал батюшка, нужно было готовиться к вечерней службе. Но отслужить её отец

Савватий не смог, его увезли в больницу с подозрением на инфаркт.

Все что происходило в это время с ним батюшка помнил урывками. Боль в сердце нарастала и не давала вздохнуть, а воздуху не хватало. «Я умираю, – подумал батюшка, – или уже умер... И ничего не успел. Покаяться толком не успел. О чадах своих и пастве толком позаботиться не успел. И вот хотел ещё ремонт в храме сделать... Тоже не успел». Внезапно скорость замедлилась. Что-то мешало его стремительному полёту. И вот он парил где-то там, близко к этому ослепительному свету. Он всмотрелся. Что не пускает его? Какие-то люди. Он плохо видел их силуэты, а вот лица можно было разглядеть. Это были знакомые лица. Его чада и прихожане. Они что-то говорили ему. И смотрели на него с любовью. Вот Фёдор, сторож, и та самая прихожанка Мария, которая чуть не погибла в аварии. И девочка Настя. Вот Клавдия, по щекам текут слёзы. И ещё много других. Некоторые лица только мелькали, другие задерживались. Дольше всех рядом с ним была старушка, лицо которой казалось очень знакомым. Он никак не мог вспомнить, кто это. Потом вспомнил: Нюра, старшая сестра Клавдии, которая умерла недавно. Или не умерла? Нюра не отходила от него, и губы её настойчиво повторяли одни и те же слова, но он никак не мог их разобрать. И эта её настойчивость и взгляд, полный любви, удерживали его, не отпускали.

– Он жив! Очнулся! – звонкий женский голос. Потом отец Савватий увидел белый потолок и склонённые над ним лица. Одним из них было уже знакомое лицо пожилого кардиолога. После обследования кардиолог сел рядом с ним, посидел молча, а потом медленно сказал:

– Отец ты наш дорогой! А я думал: всё, потеряли мы тебя. Но ты, отче, меня не перестаёшь удивлять. Вот вчера вечером я видел, что у тебя был тяжёлый инфаркт. А сегодня с утра, по результатам обследования, – никаких признаков инфаркта! Понимаешь, чудо какое! Никаких! Я тебя смотрел несколько месяцев назад, у тебя сердечко...

– Помню, помню, – не выдержал отец Савватий, – изношенное...

– А вот сейчас оно у тебя каким-то чудом работает как совершенно здоровое... Не знаю, что и думать... Значит, так... Я полагаю, что ты у нас полежишь недельку, понаблюдаем тебя.

– Простите, а можно меня потом понаблюдать, после Пасхи?

Великая суббота, храм был полон. Из посёлка окружным путём приехал целый автобус его прихожан, сделав крюк в двести километров. Настроение у всех было предпраздничное.

После службы, когда народ отправился в трапезную, к отцу Савватию подошли две женщины – Клавдия и живая и здоровая сестра её Нюра. Они присели втроем на скамейку в притворе, и батюшка сказал им, как он рад видеть их обеих в храме. Спросил у Нюры о самочувствии. Оказалось, что после исповеди и причастия она уснула и спала сутки, после чего встала и отправилась хлопотать по дому. Как будто и не собиралась помирать. А Клава сказала:

– Батюшка, мы так испугались за тебя! Так переживали, когда нам сказали, что со службы тебя увезли в больницу! Молились всем посёлком! И мы с Нюрой молились. Нюра спросила у меня, как молиться нужно. А я до того расстроена была, что только и вымолвила: вставай, дескать, со мной рядом на колени на коврик да говори: «Господи, исцели нашего батюшку!» Сама читала акафист Целителю Пантелеймону. Читала-читала и не заметила, как тут же, на коврике, и уснула. Просыпаюсь я, батюшка, – светает уже. Смотрю, а Нюра наша так и стоит на коленях. Поклоны бьёт да изредка что-то бормочет. Я прислушалась, а она, оказывается, повторяет одно и то же: «Господи, исцели нашего батюшку! Пожалуйста, Господи, исцели нашего батюшку!» Всю ночь молилась!

– Чего ты там выдумываешь-то! – с неудовольствием перебила её Нюра, покраснев. – Какую там всю ночь – ты проснулась, ещё и четырёх утра не было! Какая из меня молитвенница? Батюшка, не слушайте её! Вы только не болейте больше, ладно?

Ольга Рожнёва (в сокращении)

Кот в соборе

Шла обычная всенощная в Богоявленском соборе под воскресенье. Пропели «Хвалите», Святейший прочел Евангелие. Мы подошли к помазанию и ушли в алтарь. У самой стены в южной части алтаря за фанерной перегородкой было укромное место, где можно было незаметно посидеть, пока не было близко начальства, и два батюшки пошли туда, надеясь побыть в молчании и созерцании. Спокойно зашли и вдруг быстро выскочили обратно. Что случилось?

Какой-то бездомный кот, умудрившийся вырасти до взрослого состояния и остаться диким, забрел днем в священническое убежище отдохнуть, посидел там, а потом побоялся выйти, когда началась служба. Он-то и зашипел угрожающим рысьим шипом на соборных протоиереев. Они испугались, потом стали рассматривать, кто же там так страшно шипит. Кот был большого размера, коричнево-рыжий и, видать, свирепый.

Отец архимандрит Трифон сказал: — Зовите отца Сергия, он вырос в деревне, пусть попробует его выгнать отсюда.

А я никогда в детстве не отличался любовью к ловле котов и никогда не имел желаний подражать лермонтовскому Мцыри в его поединке. Но слово архимандрита надо выполнять.

Нашел какую-то тряпку потолще, подошел как можно ближе — и, надо заметить, в стихаре, не догадался даже его снять, — совершил бросок и хотел схватить зверя за спину. Кот разгадал мой маневр и в тот же самый миг резко прыгнул вперед мне под ноги. В моих руках оказался только хвост, и кот начал яростно освобождаться. Рядом стояли отец архимандрит Трифон, отец архидиакон Стефан и отец иподиакон, а может, тогда уже иеродиакон Агафодор, нынешний наместник Донского монастыря. Я предупредил:

— Помогайте! Кот вырывается! Он сейчас уйдет!

Никто не среагировал и ближе не подошел. Боялись. Наконец кот

вырвался, быстро и энергично начал пересекать пространство правой стороны алтаря, собираясь выскочить в южную боковую дверь. Выбранный маршрут кота проходил прямо под ногами о. Трифона, и тот вдруг сделал какой-то совершенно неестественный книксен, думая, что кот, накрытый архимандричьей рясой, потеряет направление, устрасится монашеской темноты, и мы его снова поймаем.

Не тут-то было. Кот несколько не был смущен ни темнотой, ни рясой Его Высокопреподобия и, выскользнув, с прежней скоростью бежал по намеченному пути.

В это время началась ектения по третьей песни канона. И все бы обошлось, если бы не громадное зеркало, которое было встроено в дверцу шкафа для облачений. Оно было так чисто, так аккуратно протерто чьей-то заботливой тряпочкой, что кот, увидев отражение приоткрытой двери в зеркале, бросился в эту щель, чтобы выбежать из алтаря.

Раздался глухой стук — это кот врезался головой в зеркало. Его буквально отбросило метра на полтора назад. Кот понял, что отсюда через, так сказать, боковую дверь ему не уйти, и побежал к Царским вратам главного алтаря. В это время завершалась ектения и о. Николай Воробьев, ключарь Патриаршего собора, заканчивал говорить возглас по третьей песне канона. По уставу полагается повернуться в конце возгласа и поклониться Святейшему Патриарху, который в это время помазывал народ. Во время помазания Патриарх Пимен не глядел в сторону Царских врат. Но на возглас священника он как раз должен был поднять глаза и благословить его, как полагается по уставу.

Все совпало до секунды! Поклон священника, поднятый взор Патриарха и кот, пулей выскакивающий из Царских врат как раз в это мгновение.

Отцы впали в отчаяние и стали нещадно обвинять меня:

— Ну конечно, это все из-за тебя, это ты виноват, звероловец несчастный. Сейчас Патриарх

будет в таком гневе, что достанется всем! Что делать?

— Надо упредить Святейшего, и как только он войдет в алтарь, сразу же просить у него прощения, он и смягчится, — сказал о. Агафодор. — Кто ловил, тот пусть и кается, — отрезал о. архидиакон.

Отец Николай был печален и задумчив, он чувствовал, что гнева не избежать, а ему всегда больше всех попадало.

Я сказал:

— Отцы, не унывайте. Я с детства научен каяться, мне не составит труда взять весь гнев на себя, — выдержу. Как только Святейший войдет в алтарь, я к нему и подойду, вы не беспокойтесь.

Но, о достойное удивления смирение отца-ключаря! Он опередил меня. Я только подошел к Святейшему, а о. Николай уже сам начал говорить:

— Ваше Святейшество, простите! Это мы виноваты с этим диким котом. Никак не могли поймать, вот он и выбежал прямо на возглас.

Святейший, пребывая в умиротворенном состоянии духа, ничуть не разгневался. Он просто сказал:

— Это ничего. Кот — не собака, ему можно. Вот у моего предшественника, Патриарха Алексия, был случай. В какой-то большой праздник отворяются Царские врата, а откуда-то сбоку вдруг выходит красивый откормленный кот, хвост трубой, и медленно и торжественно шествует впереди Патриарха на литию. Кота отловили, привели к Святейшему, посадили на стул, и Святейший совершенно серьезно обратился к коту: «Кот, а кот! Что же ты, Устава не знаешь?! Разве можно выходить на литию впереди Патриарха? Ты должен выходить позади всех, после протоиереев и иереев. Чтобы этого больше не повторялось». Все вокруг смеялись, но так и не поняли, усвоил кот урок литургии или нет. Тем и закончилось это маленькое событие. Но не меньше дикого кота мне запомнилось самоотверженное смирение соборного отца-ключаря, доброго отца Николая.

Источник: Благодатный огонь
Прот. Сергей Правдолюбов.

Про кота

В издательстве Сретенского монастыря готовится к выходу в свет книга архимандрита Тихона (Шевкунова). В нее вошли реальные истории, произошедшие в разные годы, которые в дальнейшем были использованы в проповедях и беседах, произнесенных автором.

Что и говорить, любят у нас обсудить и покритиковать священников. Поэтому для меня было весьма неожиданным, когда однажды, в ту пору, когда я служил еще в Донском монастыре, ко мне подошел наш прихожанин по имени Николай и сказал:

– Теперь я понял: самые лучшие, самые великие, самые терпеливые и прекрасные люди на свете – это священники!

Я удивился и спросил, почему он вдруг так решил?

Николай ответил:

– У меня живет кот. Очень хороший, умный, замечательный, красивый. Но есть у него одна странность: когда мы с женой уходим на работу, он забирается в нашу постель и, простите, гадит в нее. Мы всячески пытались его отучить – упрашивали, наказывали, все бесполезно. Как-то мы соорудили даже целую баррикаду. Но когда я вернулся домой, то увидел, что баррикада раскидана, а кот снова

пробрался в постель и сделал там свое грязное дело. Я до того разозлился, что схватил его и просто избил! Кот так обиделся, что залез под стул, сел там и заплакал. По-настоящему, я впервые такое видел, у него слезы катились из глаз. В это время пришла жена, увидела все и набросилась на меня: «Как тебе не стыдно? А еще православный! Не буду с тобой даже разговаривать, пока не покаешься у священника за свой зверский, гадкий, нехристианский поступок!» Мне ничего не оставалось делать, да и совесть обличала, – наутро я пришел в монастырь на исповедь. Исповедовал игумен Глеб. Я отстоял очередь и все ему рассказал. Отец Глеб, игумен из Троице-Сергиевой лавры, служил

тогда временно в Донском монастыре и был очень добрым, средних лет священником. Обычно он стоял на исповеди, облокотившись на аналой, и, подперев бороду кулачком, выслушивал грехи прихожан. Николай очень подробно и чистосердечно поведал ему всю свою печальную историю. Он старался ничего не утаить, поэтому говорил долго. А когда закончил, отец Глеб помолчал немного и, вздохнув, проговорил:

– Н-да... Нехорошо, конечно, получилось!.. Вот только я не понял: этот копт, он что, в университете учится? Там что, общежития у них нет?

– Какой «копт»? – переспросил Николай.

– Ну тот, который у вас живет, про которого ты сейчас все это рассказал.

«И тут до меня дошло, – завершил свою историю Николай, – что отец Глеб, который был слегка туговат на ухо, десять минут смиренно выслушивал мой бред про копта, который зачем-то живет у нас в квартире и гадит в нашу кровать, которого я зверски избил, а он залез под стул, сидел там и плакал... И тогда я понял, что самые прекрасные и непостижимые, самые терпеливые и великие люди на свете – это наши священники».

Архимандрит Тихон (Шевкунов)

Всегда радуйтесь (1 Фес. 5,16)

Бабушка своему деду всё время рассказывала: “Батюшка то у нас

прозорливый”, дед плевался, возмущался и не верил. Но вот однажды пригласили батюшку дом посвятить, накрыли стол, а пол литра поставили под стол, нарочито. “Вот я проверю какой твой батя прозорливый”-Сказал старик. Когда батюшка заходил в дом, то помолясь, сделал низкий

поклон и увидел под столом донышко от бутылки. Освятил дом, после чего его посадили кушать, батюшка помолился и благословил стол, при этом восклицая: “Господи, благослови ястие, а потом приподнял скатерть и питье рабом твоим и т.д.” Бабушка ткнула деда локтем,

шёпотом прошептала: “Ага! что я тебе говорила...”

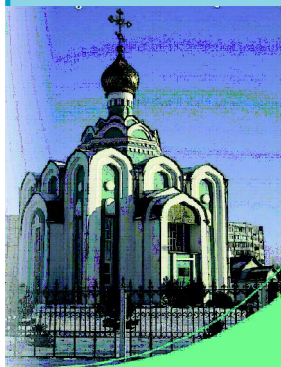
Был в одном храме дедушка, Апостола читал. Каждый раз перлы выдавал. Как-то начал как то очень громко читать: «БРАТИЕ»!.. - (а в церкви темно было) он, не растерявшись, также громогласно возглашает: “ВКЛЮЧИТЕ СВЕТ, НИЧЕГО НЕ ВИДНО”!..

Приехал Архиерей на приход. Батюшка стоит с крестом встречает владыку и говорит слово, от волнения запинаться начал: “Владыка вы столп... Владыка вы столп...” Владыка останавливает батюшку и говорит: “Ладно отец я - столб, а ты - пень, идем литургию служить”.

В одном приходе реставрировали иконостас, нижний ярус, и вынули икону свт. Николая. И на вечерней службе батюшка (чет ему так захотелось) встал на место иконы. И как подобает- Евангелие в одной руке, десницей благословляет. Ну и одна бабулька давай его рассматривать, вроде икона, а на старую то, и не похожа. Долго ли, коротко - отец и говорит:- “Прикладывайся скорее и иди с Богом!”. Бабулька от испугу пулей вылетела!

Идет великое освящение воды на праздник Богоявления Господня. И тут голос из народа - “Хватит петь! Воду давайте!”

Православная социально – миссионерская станция при Серафимовском приходе

- Священник
- Врач - нарколог
- Психолог
- Юрист
- Городская православная библиотека
- Православно – просветительский центр «Жизнь»
- Социальная служба

ул. Московская, 16 31-14-85

НОВОСТИ ВОЛЖСКОГО БЛАГОЧИНИЯ

Акция Волжского благочиния

“В защиту жизни нерожденных детей”.

В пятую неделю Великого поста в Волжском благочинии прошла акция в защиту жизни нерожденных детей. Во всех храмах Волжского благочиния в день Марииного стояния были совершены покаянные молебны, за которыми молились сотни прихожан. Социальные работники храмов организовали сбор пожертвований для детей, оставшихся без попечения родителей, многодетных семей, беременных женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию. Завершилась акция в воскресенье, 10 апреля,

покаянным молебном, который был совершен в храме святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова собором духовенства Волжского

благочиния во главе с благочинным округа протоиереем Петром Симора. Сотни людей пришли в храм, чтобы вознести молитвы ко Господу, Божией Матери, преподобной Марии Египетской и всем святым о прощении греха детоубийства - аборта, о вразумлении матерей, приносящих собственных детей в жертву «идолу благополучия», о мужьях и родителях, толкающих своих жен и дочерей на этот страшный грех. Молились об умножении любви Божией и даровании покаяния. В центре храма были возжены тысячи свечей – символ памяти и скорби о нерожденных детях, которые так и не смогли увидеть солнца. По завершении молебна состоялся крестный ход. Прихожане, пройдя по улицам города, пришли в храм Рождества Христова, где также был отслужен молебен.

26 апреля, 10 мая на канале Домашний в 18-30 в прямом эфире выходит передача “Азы Православия”, где можно задать свои вопросы священнику о вере и жизни.

В подарок юным читателям

30 марта благочинный Волжского округа протоиерей Пётр Симора посетил школу-интернат имени 37 Гвардейской стрелковой дивизии г.Волжского. В подарок отец Пётр преподнёс юным воспитанникам произведения духовной и классической литературы. Книги, подаренные детям, были собраны в рамках проходившей в благочинии благотворительной акции “Подари книгу детям”.

Родительский долг

В среду, 6 марта, благочинный Волжского округа протоиерей Пётр Симора, по просьбе главного судебного пристава г.Волжского, встретился с родителями, уклоняющимися от уплаты алиментов. В своем слове отец Пётр напомнил собравшимся о Заповедях Божиих, о необходимости нести свой родительский крест без ропота и о самом ценном, что даёт нам Господь - о детях. Результатом встречи стала готовность двоих родителей, из шести присутствующих, исполнить свои родительские обязанности, возложенные на них Богом и государством.

Дружина Православных следопытов

В воскресенье, 10 апреля, впервые в нашей епархии состоялось посвящение наших ребят в Православные следопыты. При Иоанно-Богословском приходе в прошлом году была создана соответствующая дружина и после воскресного богослужения в Православные следопыты посвятили четырех ребят и двух руководителей. Для этой цели из Синодального отдела по делам молодежи прибыли руководитель Московского отделения Братства Православных Следопытов - Юдина Екатерина Петровна, и координатор региональных программ Братства Православных Следопытов - Астахова Анна Николаевна. Посвящение было торжественным. В центре храма перед крестом и евангелием ребята и руководители, став на колени, отдавая торжественный салют, произносили слова обещания: **«Честным словом обещаю, что буду по мере моих сил исполнять свой долг перед Богом, Родиной и ближними и исполнять законы православных следопытов!»**

После прочтения законов ребята и их наставники, испросив благословение священника, целовали Святой Крест и Святое Евангелие, а после, припадая на колени, целовали российский флаг. Затем гостями из Москвы были проведены занятия с ребятами и

руководителями Дружины. А в завершении дня все вместе с настоятелем прихода протоиереем Константином Момотовым отправились в Волгоград, где посетили кафедральный Казанский собор, музей-панораму «Сталинградская битва» и мемориал «Мамаев курган».

сайт Волжского благочиния www.volblag.ru
сайт храма Иоанна Богослова www.hram-ioann.ru

адрес редакции: г. Волжский, ул. Московская -16. тел.31-42-07.
E-mail: onoff@km.ru. Газета отпечатана в ОАО Альянс “Югполиграфиздат”, Волжский полиграфкомбинат, по адресу: 404126.г. Волжский, ул. Пушкина, 79. тираж 998 Заказ

Не используйте газету на хозяйственные нужды !